

ПОЖАРЫ ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ

Следы бушующих стихий

За четырехсотлетний период своего существования любимый род неоднократно озарялся пламенем бушующих пожаров: вначале пылающих свечами в таежной глуши деревушек шорцев-кузнецов, а затем и собственных деревянных построек. И это немудрено – с самого момента основания в начале XVII в. и до середины XIX в. Кузнецк выполнял стратегические функции (то есть военные) на юге Западной Сибири. Первоначально до 1730 г. он был пограничным опорным пунктом по отражению многочисленных набегов кочевников – енисейских кыргызов, «белых и черных калмыков» (телеутов и джунгар) на русские поселения. Затем приграничным городом в составе сибирских укрепленных линий по защите русских владений от джунгар и «киргиз-кайсаков» (казахов), а после 1758 г., когда Цинская империя поглотила Джунгарское ханство, – от территориальных притязаний Китая. Эти военные функции Кузнецка на протяжении двух с половиной столетий и определяли весь его патриархальный уклад. Возводились ли оборонительные укрепления и сторожевые вышки, возносились ли ввысь маковками кузнецкие церкви и часовни, или за Казачьей речкой разрастался Казачий форштадт, а в нагорной части Солдатская слободка, – все это было направлено на усиление военного, а затем и территориально-хозяйственного присутствия русских на необъятных просторах Сибири. И то, что Кузнецкий город многократно стоял перед угрозой полного уничтожения пожарами, также во многом было предопределено его военно-стратегическим назначением.

Сегодня, восстанавливая хронику кузнецких пожаров, приходится сожалеть, что многие исторические документы утрачены безвозвратно. Парадоксально, но они исчезли в пламени бушующих же пожаров, в ряде случаев возникших в результате набегов и разорения Кузнецкой земли кочевниками.

«В 1632, 1633, 1635 и 1648 годах были на Кузнецк от татар набег или нападения» – повествует в «Памятной исторической записке» («Кузнецкой летописи») местный летописец Иван Конюхов (1791 – 1881). И горел из конца в конец Кузнецкий острог, пылали вокруг него разоренные русские и ясачные селения. Скупые сведения, дошедшие до наших дней, записаны летописцем со слов старожилов, взятых им из не уничтоженных еще в то время документов церковных архивов. У И. Конюхова в его «Кузнецкой летописи» есть целая глава «О пожарах», в которой он скрупулезно до самой своей смерти ведет счет кузнецким пожарщикам. Читая незамысловатое творение местного краеведа, воочию начинаешь представлять масштаб того или иного пожара, ощущаешь, сколь опустошительны они для захолустья Кузнецкого городка и его окрестностей. И хотя памятные исторические записки автор вел всего лишь в течение 15 лет, он все же сумел охватить большой временной промежуток. Это благодаря «Памятной исторической записке» сегодня мы имеем картину огненных трагедий за два с лишним столетия.

карте «...из Чертежной книги Сибири, составленной тобольским сыном боярским» С.Ремезовым в 1701 г., отражающей ситуацию 1670-х гг., в окрестностях Кузнецка нанесен только монастырь. А село первоначально упоминается лишь в ревизии 1720 г.

Нам уже известно, что Христорождественский монастырь и подгородные деревни в 1700 г. были разрушены и сожжены кочевниками. Однако у Г.Миллера при описании Кузнецкого города мы можем найти следующее упоминание о монастыре: «...к городу следует причислить еще и Рождественский монастырь в двух верстах ниже города на северо-восточном берегу Томи, напротив устья реки Абы. Сейчас, правда, его лучше называть не монастырем, а пустыней, поскольку монахи его часть умерли, а часть из-за бедности разоренного монастыря отправились в другое место...» Возможно, после набега кочевников и пожара монахи и уцелевшие служилые люди что-то восстановили. Но полнокровной прежней жизнью ни те ни другие на пожарище зажить уже не смогли.

В этом же временном промежутке, судя по результатам раскопок у села Куртуково, сгорела от набегов кочевников и русская деревня, возможно Городнова, находившаяся на месте современной деревни Малово.

Историография исчезнувшего

Работа с архивными документами увлекательна и интересна, но в то же время и кропотлива, требует большой сосредоточенности, ответственности. И, конечно, это подарок судьбы, когда в вашем распоряжении есть несколько исторических или иных документов. Сопоставляя их, можно докопаться и до истины. Ведь не зря маститые краеведы предупреждают, что не следует доверять однобокой интерпретации исторического события, необходимо сопутствующее или противоположное мнение еще нескольких архивных документов. Только тогда ваши суждения будут иметь хоть толику достоверности и научности. В нашем же случае, как я уже отмечал выше, присутствует Его величество парадокс: разыскивая в архивах скупые сведения о кузнецких пожарах, сталкиваешься с тем, что сами же пожары и повинны в исчезновении многих документов.

12 марта 1848 года в здании Кузнецкого земского суда, квартировавшего в деревянном двухэтажном доме сирот мещанина Гаврилы Шибалина, произошел пожар. «...Во время сего пожара, – отмечает в рапорте городничий Г.Филиппов, – сгорело принадлежащего Кузнецкому земскому суду имущества: девять стульев крашеных с подушками, восемь крашенных столов; шесть крашенных табуретов, два крашенных больших шкафа, один крашенный ящик, окованный железом, три пары железных съемов, пять медных посеребренных подсвечников, три подсвечника чугунных, щеты красного дерева с пальмовыми костями, шесть с приборами чернильниц. Но что все сие это стоит?»

Этот риторический вопрос городничего в конце официального отчета губернскому начальству о пожаре сразу не вполне понятен: то ли он переживает из-за утраченного земским судом имущества, то ли расписыв-

ила Федоровича впоследствии, по всей видимости, все-таки не избежала огненных объятий, как и рукопись об истории нашего города, писанная другим кузнецким летописцем – благочинным Захарием Кротковым. Они исчезли безвозвратно в пламени Гражданской войны, были растоптаны, распяты, уничтожены вместе со златоглавыми храмами и церквями, крылом православия сохранявшими наш город на протяжении нескольких столетий от кочевого лиха и выгорания. И лишь благодаря стараниям и доброхотному участию со стороны А.Ермалаева, автора исторического очерка «Кузнецк», опубликованного в «Томских губернских ведомостях» в 1858 г. (№ 34-36), кузнецкого благочинного, протоиерея Е.Тюменцева и смотрителя кузнецких училищ коллежского асессора Н.Ананьина до нас дошли копии этой грамоты. И только. Все остальное, что шло с царским документом в довесок, уничтожено огнем, как упоминает в 1886 году тот же Е.Тюменцев в письме епископу Томскому и Семипалатинскому Исаакию: «Царские дары сгорели вместе с деревянной церковью в пожаре, бывшем около 1723 года, как это значится в памятной записке о Кузнецком Преображенском соборе, составленной в 1838 году».

Вернемся к путевым запискам Г.Миллера. В них он говорит о пожаре 9 июня 1734 года, произошедшем незадолго до прибытия в Кузнецк академического отряда Великой Камчатской экспедиции: «Соборная церковь Преображения Господня была полностью уничтожена внезапным пожаром, который в ней самой и возник. Этот пожар тогда одновременно уничтожил половину деревянного острога и в городе около 50 жилых домов с пристройками. Острог, однако, с того времени полностью восстановлен». Ни у летописца И.Конюхова, ни у В.Тогулева, кузнецкого исследователя и публициста нашего времени, ни у других краеведов, в той или иной мере касающихся темы кузнецких пожаров, событий, описанных Г.Миллером, я не нашел. Возможно, они были незамечены и выпали из «огненной» хроники Кузнецка. Им не нашлось подтверждения и в церковных архивах а уж в немногочисленных гражданских и подавно. Сегодня утрату многих документов кузнецких архивов пытаются списать на бесчинства красных партизан Рогова, забывая при этом и губительные набег кочевников, и варварское отношение к этим архивам, как гражданского, так и церковного «бомонда» Кузнецка прошлых столетий! В подтверждение этому не будем заниматься многословием, а пройдемся по любимому городу вместе с писателем В.Зазубриным (1895-1937).

... На календаре год 1926-й. Гордый город кузнецкого купечества, золотопромышленников, помнящий и Великого князя Владимира Александровича, и венчание русского писателя Достоевского, и знаменитого доменщика Курако, загажен и унижен. Церкви разграблены и сожжены. «По южной наружной стене церкви Одигитриевской Божьей матери сохранилась только икона Богоматери. Мужики, приезжающие торговать в базарные дни из близлежащих деревень, и базарные торговцы, истово крестясь на уцелевшую икону...», ходят в церковные развалины справлять свою нужду. Это те самые русские мужики, что по первому зову революции ринулись в великий Кузнецк

трагедий за два с лишним столетия.

Из других исторических документов следует отметить «Историческое обозрение Сибири» – фундаментальный труд историка, религиозного и общественного деятеля Петра Словцова (1767-1843). «В следующем (1652) году телеутские родоначальники Маджик и Кока, сын известного Абака, прежде подданные московского царя, делают набеги на Кузнецкий округ. Деревни томские и кузнецкие как бы по одному выстрелу разграблены и сожжены, отовсюду имущество и скот расхищаются, люди убиваются или отводятся в полон для продажи. Они (телеуты) продолжают то же ремесло и в 1656 г., а через два года, теснимые ополчениями контайши (джунгаров), снова прибегают в подданство России, так что значительная часть телеутов, увидев коловратность своих вождей, переселяется навсегда в округи Кузнецкий и Томский». Это переселение и послужило толчком к последующим набегам енисейских кыргызов в земли Кузнецкого уезда (в 1683 году), всплеску новых пожаров в ясачных селах. А появление джунгар в районе Кузнецка объясняется тем, что кыргызы и подчиненные им племена во второй половине XVII в. оказались в зависимости от Джунгарского ханства.

губернскому начальству о пожаре сразу не вполне понятен: то ли он переживает из-за утраченного земским судом имущества, то ли расписывается в своей бессилии оценить ущерб от огня, уничтожившего все подчистую, то ли думает о далеко идущих последствиях... Попробуем разобраться в этом, ибо лишнее психологических мотивировок и объяснений любое историческое событие перестает быть таковым.

Думаю, что ответы на наши вопросы мы найдем в другом рапорте, у исправника Кузнецкого земского суда И. Катанаева, более ценном и обстоятельном с точки зрения краеведов и пожарных: «...здание довольно старое, при усилившемся огне сгорело до основания, имевшиеся же в нем: Зерцало, Законы, денежные книги, Настольный реестр нерешенным следственным делам и самые сии дела все спасены, а также почти все архивные дела вынесены, но только из-за толпы, при усиленных действиях народа к утушению пожара, дабы не допустить одного распространения, а не менее и по темноте ночной, весьма разбиты...».

Так вот оно что! Кузнецкому городничему Филиппову, воспринимаемому нами по образу и подобию гоголевского городничего Сквозник-Дмухановского («Ревизор»), все же было небезразлично, что пожар косвенно стал причиной утраты многих документов из архива земского

церковные развалины справлять свою нужду. Это те самые русские мужики, что по первому зову революции ринулись в уездный Кузнецк убивать «толстопузых купцов-кровопийц» и «патлатых попов», грабить православные церкви – «рассадники опиума для народа» и разорять мирные очаги «ненасытных буржуев». Те, что жгли и рушили все, что было связано с многовековым укладом лапотной России. Им было не до сохранности архивов кузнецкой истории. Они сами считали себя уже новой историей!

Или еще пример: в том же 1926 году ответственный секретарь уездного комитета Травников в пьяном разгуле сбрасывает с крепостной стены пушки – литье 1802 года! Так кто больше «наследил» в истории нашего города – всех убивающие и все сжигающие кочевники, комиссар красных партизан Рогов, возможно, оговоренный несведущими очевидцами грозных декабрьских событий в пылающем Кузнецке, или пьянствующий большевик Травников, уничтожающий исторический памятник?! Ну да бог с ними, перед вечностью все равны – и священники, и мещане, и красные комиссары... Мы же продолжим начатый нами разговор об огненных происшествиях уездного города.

Хроника огненных набегов...

Осенью 1700 г. тысячи полторы кыргызов, татар и калмыков перешли к активным военным действиям против русских поселений в Томском и Кузнецком уездах. Так, 17 сентября они осадили Кузнецк. Но, получив отпор гарнизона крепости из 200 человек и сотни казаков, подоспевшей из Томска, выместили свое зло на жителях близлежащих сел. В полном собрании законов Российской империи (№ 23 за 1882 г.) мы можем прочесть следующие строки об интересующих нас событиях трехсотлетней давности: «...пришли кыргызы ж и черные калмыки и шусты, которые жили под Томском, и горные татара, и под Кузнецком де монастырь сожгли, и деревни разорили, и крестьян побили, и выезжих беглых калмыков, которые жили в Кузнецком, юрт со сто разорили, и жен и детей их и рогатой и всякий скот побрали в полон» (монастырь, сожженный кочевниками – Христорождественский, об этом пожаре чуть позже). Многие краеведы Новокузнецка едины во мнении, что часть подгородных деревень была выжжена кочевниками именно в этом опустошительном набеге. К счастью, последнем...

Сам же Кузнецкий острог, изначально построенный «...в 1617 г. от Рождества Христова, или в 7125 г. по старому русскому летоисчислению от сотворения мира, в царствование светлейшего царя Михаила Федоровича казаками под началом головы тобольских татар по имени Молчан Лавров и сыном боярским Остафьем Михалевичем на северо-восточном берегу Томи, напротив устья реки Кондомы, где в Томь впадает маленькая речка Бряза», был сожжен в тот же год кочевниками, потом, снова построенный уже на правом берегу Томи, на протяжении целого столетия не был в полной безопасности, что и отразил в своих путевых описаниях русский историк Г.Миллер (1705–83), путешествующий по Сибири в составе академического отряда Великой камчатской экспедиции в тридцатые годы XVIII столетия.

В наши дни некоторые следы пожара, раскрытые в современных раскопках, удалось местным историкам и краеведам сопоставить с «Кузнецкой летописью», путевыми описаниями профессора Г.Миллера и немногими сохранившимися старыми рукописями и церковными документами. Это позволило уточнить начало строительства и время гибели многих деревянных, а порой и каменных строений. То есть извести о пожарах помогли датировать раскрываемые постройки и открыть еще одну сторону жизни кузнецчан. Так, в 1989 г. в ходе обследования разрушенного участка первой надпойменной террасы правого берега р. Томи в 50 м ниже по течению от «коммунального» моста, соединяющего Центральный и Заводской районы г. Новокузнецка, был собран археологический материал. Он свидетельствовал о том, что на данном месте частично разрушены остатки строения, которое может быть связано с одним из ранних периодов существования села Христорождественского. Судя по большому количеству оплавленной керамики, это строение погибло в огне пожара. По церковным архивам известно, что Христорождественское располагалось у стен одноименного монастыря, основанного в 1648 г. на правом берегу р. Томи в 3,5 км ниже по течению от Кузнецка. С какого времени возникло село, неизвестно – видимо, в конце XVII – начале XVIII вв. По крайней мере, на

косвенно стал причиной утраты многих документов из архива земского суда. Небезразлично это даже спустя полтора века и нам, ныне живущим на земле Кузнецкой, ибо пожар 1848 г., разметавший огненным вихрем, втоптавший в грязь сапогами и лаптями обывателей Кузнецка судебный архив, лишил наш город частицы его историографии.

Впоследствии огонь еще не раз добирался до земского суда. « В 1861 году 2 мая, – как повествует автор «Кузнецкой летописи», – сгорел дом вдовы Евремовой, в котором квартировал земский суд, а с ним сгорела городская ратуша и имеющиеся в ней все архивные дела». А 20 февраля 1875 года огненная стихия уничтожила даже «пожарную, при городской ратуше состоящую». И с каждым пожаром со сгоревшими документами судебного архива превращалась в прах очередная порция кузнецкой истории. Смее заверить, это, к сожалению, не последний негатив в историографии Кузнецкого града, были пожары еще более губительные, оставившие после себя зияющие черные дыры в памяти нашего города. О них мы тоже в дальнейшем поговорим.

Перед вечностью все равны

Не секрет, что многие летописные материалы прошлых лет находились в ненадлежащих условиях для сохранения и в большом количестве безвозвратно утрачены. П. Словцов, основоположник краеведения Сибири, по этому поводу писал, что «...дела, столбцами писанные до 1700 г., есть и в Кузнецке. До сотни столбцов, восходящих к царствованию Михаила Романова и без описи легко исчезающих, как недавно (после 1822 г.) было взято несколько столбцов бывшими начальниками. Не святотатство ли это для истории?».

К сожалению, архивные документы из Кузнецка исчезали и в дальнейшем «благодаря» одной из столичных инструкций, гласившей «...что все старинные дела, датированные до 1726 г., должны были быть из провинциальных судебных архивов срочно пересланы в Московский Архив Министерства Юстиции». Впоследствии тексты многих из изъятых актов все же опубликовали в «Актах исторических» и «Дополнениях» к ним в 40-е годы XIX века. А между тем, в описях Кузнецкого судебного архива значились до 1869 года дело о нападении калмыков на Кузнецкий город и сожжении тюремного острога на 268 листах. На полях сохранилась резолюция: дело «в архиве окружного суда не находится, а увезено бывшим начальником Томской губернии генерал-лейтенантом Бекманом». Помимо вышеназванных дел любитель старины в генеральских погонах прихватил с собой еще и старинные свитки, к сожалению, утраченные для кузнецкой истории безвозвратно.

Также бесследно могла исчезнуть в пламени пожара и царская грамота кузнецкому воеводе Евдокиму Баскакову, датированная 1623 г. Касалась она обстоятельств постройки и снабжения утварью возведенного в Кузнецком остроге деревянного храма во имя Преображения Господня. Сегодня приходится только догадываться о причинах, благоприятствующих сохранению от губительного огня 1723 года этой бесценной грамоты XVII века. Возможно, во время пожара, уничтожившего деревянный храм, царская грамота находилась у подъячих в съезжей избе или у воеводы, а не в церковных архивах. Однако по злему року, постигнутому многие исторические документы, имевшие большую ценность для историографии Кузнецка, грамота царя Миха-

Рукописи не горят...

Сегодня, собирая воедино все, что сохранила история о кузнецких пожарах, я изначально затрагиваю огненные беды времен заселения Кузнецкого края, укрепления Кузнецкого острога и градообразования. Поэтому листаем дальше путевые описания профессора Г.Миллера и его коллеги И.Гмелина. Второй губительный пожар в церкви Преображения Господня, возможно, все же имел место быть. И пусть простит меня читатель, но лишняя психологических мотивировок и объяснений история перестает быть таковой. Не могли два ученых человека, прибывшие на пожарище осенью 1734 г., то есть через два месяца после разгрома огненной стихии, и взволнованные увиденным, вводить в заблуждение и современников, и нас, потомков. Тем более что восстановление острога происходило уже на их глазах. А на пожарище церковном только через полвека 14 мая 1782 года иркутским мастером Почекуниным на собранные кузнецкими купцами и мещанами деньги был заложен уже каменный Преображенский собор, реставрированный в наши дни.

Не отражен ни в одном исследовательском документе и пожар, возникший «в канцелярии Кузнецкого острога в ночь с 1 на 2 марта 1729 г». Из-за огненного несчастья деревянное здание сгорело полностью, «...отчего было утрачено особенно много архивных рукописей и документов и разорвано в суматохе. Все же большая их часть была спасена, и самые старые рукописи, которые еще имеются в наличии, относятся к 7131 или 1623, году. А кроме этого огонь тогда не захватил никаких других зданий». Вообще Г.Миллер по долгу службы и ученому чину ответственно относится к описанию всего, что происходит или происходило на пути следования его экспедиции и имеет значимость для занесения в путевые листы. И мимо кузнецких пожаров 1729 и 1734 г. он пройти никак не мог.

Говоря о пожарах XVII – первой половины XVIII веков в Кузнецке, следует заметить, что они, как и в последующие два столетия, принесли огромные беды. «Только с 1690 г. по 1710 г. ущерб, причиненный калмыками в Кузнецком уезде сожжением деревень и грабежом жителей, исчисляется в 21345 рублей», констатирует сей прискорбный факт знакомый нам профессор Г.Миллер в «Описании Кузнецкого уезда Тобольской провинции» в сентябре 1734 г. Я же позволю себе дополнить его цифрами из «Памятной исторической записки» И.Кюхова: «Около 1730-х годов хлеб был в Кузнецке по 2 копейки пуд». Вот и попробуйте несложными арифметическими вычислениями представить масштаб разорения для Кузнецкого уезда, пылающего на протяжении почти столетия от набегов кочевников. Но это, как говорится, сторона материальная. Сколь же губительными и разорительными оказались для кузнецких архивов «огненные визиты» аборигенов из неподвластных России сибирских улусов, а также эгоистические действия государевых персон церковного и градского сословий, скорее всего нам уже и не подсчитать. Одно видно без всяких цифр и расчетов: в историографии Кузнецка отдельные страницы предстоит еще долго и кропотливо восстанавливать по крупицам. И как хотелось бы, чтобы булгаковский афоризм о несгорающих рукописях подтвердил себя в наших надеждах и поисках.